

Юлия Михайловна БЕСПАЛОВА —
профессор кафедры социологии
и социального управления,
доктор философских наук

Время и судьба человека в контексте культуры*

УДК 316.77

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена исследованию роли и места времени и судьбы человека в социологии культуры.

The author dwells upon the role of the concepts of time and human destiny in the sociology of culture.

Современные ученые в области социологии культуры отмечают, что исследование духовных процессов, безусловно, выходит за рамки традиционно понимаемой науки. При изучении культуры необходимо применение нетрадиционных принципов исследования, которые основывались бы не только на количественных, а, в первую очередь, на *качественных* данных, например текстах, словах, фразах, описаниях людей, биографиях, обычаях, событиях, случаях из жизни, полевых заметках, исторических документах. Качественные стратегии необходимы, когда во главу угла ставятся представления о *понимании* жизни людей в культуре, *объяснении* социокультурных процессов.

Носителем качественной информации может быть также анализ времени и судьбы человека в культуре.

Время является одной из наиболее непостижимых и таинственных категорий. В истории философии существует два основных подхода к понятию времени, их авторы — Платон и Аристотель. Согласно первому, время есть нечто независящее от нашей реальной, земной жизни. По второму, время неотделимо от реальной жизни, это история человеческого бытия.

Время выступает в качестве важнейшей составляющей при исследовании любой культуры. Оно выполняет в культуре ряд функций. Время показывает последовательность действий, предписанных традициями. Оно передает культурный опыт от поколения к поколению. Само понятие поколения (а также его изучение) связано с пониманием времени. Благодаря сосуществованию поколений, человек в один и тот же момент, живя в настоящем, заглядывает и в прошлое, и в будущее. «В любом настоящем живут три поколения, — писал Х. Ортега-и-Гассет, — молодежь, зрелые люди и старики. Это означает, что любая действительность, любое «теперь» охватывает, строго говоря, три разных времени, три разных «теперь», или, иными словами, что настоящее заключает в себе три основные жизненные величины, сосуществующие в нем, хотя бы они этого или нет, связанные друг с другом, и поневоле — ведь они разные — в неизбежной вражде... мы все современники, мы живем в одном и том же времени и обстановке, но мы в разное время способствовали их формированию. Одинаковы лишь ровесники. А современники не ровесники. В истории обязательно нужно проводить различие между ровесниками и современниками. Три разных жизненных времени живут, разместившись в одном и том же хронологическом времени» [10: 62–63].

* Статья написана при финансовом содействии Минобразования России по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук. Грант Г 02-1.А.-348.

Важная роль времени связана с ритмической природой социальной жизни. Изменения способов человеческой жизнедеятельности на протяжении истории влияли на характер протекания социального времени. Благодаря исследованиям социологов, в первую очередь Э. Дюркгейма и его школы, время стали рассматривать как символическую структуру, которая способствует организации общества посредством временных ритмов. Анализ социального времени предпринимал Г. Зиммель. Главная проблема в анализе времени заключалась для него в возможности совместного существования социального порядка и социального изменения. П. Сорокин и Р. Мертон утверждали, что социальное время представляет собой не только количественное, но и качественное явление, т. к. чувство времени возникает из верований, обычаев, традиций, общих для определенной группы. Анализируя качественную природу социального времени, они показали, что смысл определенному событию придает его временное оформление, что знание специфических периодов зависит от значения, приписываемого им. Понятие качественного времени эти авторы считали важным и для примитивных обществ, и для современных индустриальных государств. Сорокин и Мертон подчеркивали аналитические различия между астрономическим и социальным временем, которое является выражением изменения или движения социальных явлений.

В современной социальной жизни организация времени усложняется. Так, Ж. Гурвич предложил типологию восьми типов времени в современном обществе: дрящееся, обманчивое, неустойчивое, циклическое, замедленное, переменное, идущее вперед и взрывчатое. Он показал, как культуры характеризуются сочетанием конфликтующих друг с другом времен и социальные группы соревнуются друг с другом за выбор соответствующего времени. Гурвич, как и Дюркгейм, проводил различие между «микросоциальными временами», характерными для групп и небольших социальных общностей, и «макросоциальными временами», характерными для социальных систем и институтов. Он постоянно указывал на множественность типов социального времени, на свойственные различным социальным классам специфические временные шкалы и понимания времени. Гурвич полагал, что с помощью анализа времени на социальном уровне можно обнаружить действие двойной временной шкалы: с одной стороны, «иерархически определенное и унифицированное время социальной структуры», с другой — «более гибкое время самого общества» [См.: 6: 72–73].

Время является не только социальной, но и культурной категорией. Представление о времени — ключевое в категориальной сетке мышления и в модели мира, выстраиваемой каждой культурой. В рамках определенной культуры создается свое понимание времени, зависящее от ряда причин: особенностей жизнедеятельности, стиля мышления, «типа души» (Х. Ортега-и-Гассет) народа. Каждая культура самоопределяет себя во времени, создавая свой календарь, называя даты своего рождения и своего развития, формируя концепции о центре времени, имея свой собственный «такт» и «ритм».

Как отмечал О. Шпенглер, каждой культуре присуще особое мироощущение, свой «первосимвол», свое переживание пространства и времени, из которого проистекает богатство ее форм, благодаря которому она живет, чувствует и творит. Так, «первосимволом» европейской — «фаустовской» — культуры, по Шпенглеру, является «устремленность в бесконечность». «Аполлоновская» душа античной культуры, напротив, осваивала мир, основываясь на принципе «обозримого предела». Грекам были известны солнечные и водяные часы, но они не пользовались точным отсчетом времени. Античный человек не замечал течения времени и был полностью растворен в его потоке [См.: 13].

В США, Мексике, странах Западного полушария время понимают столь различным образом, что это может вызывать серьезные трения между народами. Даже в пределах Западной Европы понимание времени имеет мало общего. «Таитянин оценивает длительность прошедшего времени не так, как японец. В Британии будущее течет вам навстречу. А на Мадагаскаре оно движется сзади, вам в затылок», — пишет Р. Льюис [7: 85]. Американское время — самое дорогое в мире, время для американцев — это деньги. В арабской культуре время соотносится с людьми и событиями, это субъективная величина, которую можно подделывать под себя, формировать, растягивать, с которой можно обращаться независимо от того, что показывают часы. Американец склонен переживать из-за *потерянного* времени. «Я должен бежать, — говорит американец, — мое время истекло». Араб, презрительно относящийся к преклонению перед расписанием, мог бы произнести подобные слова только перед неминуемой смертью [7: 91].

Прошлое наиболее ценно для культуры, т. к. в нем она непосредственно существует. Организуя во времени протекание событий и сохраняя их в памяти общества, культура обеспечивает поддержание информации, необходимой для выживания и развития общества, передачу ее во времени. Существует и проблема неотделимости, связанности прошлого с современностью. Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта, и характеристика культуры как «негенетической» памяти — одно из важнейших ее определений. При изучении культуры прошлого, грань, отделяющая эту культуру от настоящего, а затем и от будущего, становится условной.

Процессы прошлого, исторического развития культуры интересуют ученого в той мере, в какой это позволяет понять и объяснить современную культуру, выявить ее архетипы. Речь идет о качественных изменениях культуры прошлого, о ее прерывности, но вместе с тем о ее непрерывности, о включении ценностей прошлого в современный культурный процесс.

Прошлое — это сохраненное и накопленное человечеством время. Оно составляет фундаментальную опору культуры. Вся культура вырастает из прошлого. Чтобы уничтожить определенную культуру, достаточно лишить ее связи с прошлым. Прошлое в культуре — это форма времени, наиболее приближенная к *вечности*. По О. Шпенглеру, лишь с помощью прошлого человек овладевает вечностью [13].

Культура строится на культе и ценностях прошлого. Устойчивость культуры, ее культа и ценностей основывается, прежде всего, на отношении к прошлому. Возрождение в культуре начинается с изменения отношения к прошлому: к событиям, поколениям, памяти, могилам, именам, символам и ценностям. С прошлым связано все подлинное в культуре — почва, традиции, наследие, самобытность. Сохраняют прошлое культуры и пространство, место, биографии, судьбы, имена. Для древних культур не было ничего более почитаемого, чем прошлое. Прошлое было для них целью жизни.

Прошлое необходимо не только культуре, но и человеку. Потеряв свое прошлое, человек перестает быть человеком, он исчезает в общественном и культурном смысле слова. Человек начинает с прошлого и уходит в него. Чем он значительнее в настоящем, тем дольше он сохраняется в прошлом и в вечности. «Социализация» является наиболее ярким примером накопления и сохранения прошлого в индивидуальной жизни человека. Это жизнь прошлого в настоящем.

Богатство прошлого зависит от насыщенности его содержания. Творческие личности более всего сохраняют богатство прошлого в своей деятельности.

Настоящее всегда дано вместе с прошлым. Это прошлое сегодня. Настоящее — грань между прошлым и будущим, оно не имеет собственной судьбы, его судьба зависит от прошлого и от будущего. Только прошлое вечно, настоящее и будущее — имеют преходящий характер. Настоящее всегда создается прошлым, а не сменяет его. Настоящее сильнее всего подвергается иллюзиям. Чтобы не попасть под их власть, культура должна иметь свой защитный механизм, свою прочную основу. Этой основой и является ее прошлое. Без прошлого настоящее в культуре теряет свои ориентиры. Оно становится утопичным и тогда «обрекается на прошлое». «Кто управляет прошлым — управляет будущим; кто управляет настоящим — управляет прошлым» (Д. Оруэл). Прошлое — это опора настоящего, его прочная основа.

Одна из важнейших форм прошлого — это *память*. Искажение памяти является искажением прошлого. «У животного, — писал О. Шпенглер, — есть будущее, человек знает и прошлое» [13: 328]. Пренебрежение памятью прошлого, разрушение прошлого является преступлением против культуры. Страх перед прошлым может привести ко многим упущениям и провалам, разрыву памяти культуры. Противопоставление прошлого будущему, отбрасывание «старых ценностей» заканчивается либо восстановлением разрушенного прошлого, либо утратой общественной стабильности. Прошлое возвращается к человеку часто очень дорогой ценою, однако человек постоянно обращается к нему, чтобы вновь обрести себя в настоящем. Из прошлого человек черпает свои цели, которые определяют его будущее.

Прошлое и устаревшее — это не одно и то же. Прошлое — это явления или цепь событий, определяющих настоящее. Устаревшее — это прошлое, разрушенное настоящим. Избавляясь от устаревшего, прошлое «молодеет». Новые обычаи, ритуалы, нравы, семейные отношения, особенности материальной жизни — это не настоящее, а «помолодевшее» прошлое [См.: 11]. Ценности, разделяемые обществом, — это прошлое, живущее в настоящем. Реформируя прошлое, человек должен разрушать только устаревшее. Разрушая же прошлое, он превращается в антиреформатора. Войны, насилие за короткий срок стирают прошлое с лица земли и из жизни человека, тогда как оно должно было бы ему служить и усиливать настоящее.

«Исторический процесс, — писал Н. Бердяев в «Смысле истории», — имеет двойственную природу, потому что он, с одной стороны, сохраняет, а с другой — истребляет: с одной стороны, исторический процесс есть связь прошлого и будущего, с другой стороны, он есть разрыв с прошлым; он имеет консервативную и революционную природу. Лишь взаимодействие этих начал создает историю. Действие одного из этих начал привело бы к тому, что произошел бы настоящий разрыв времени. Поистине историческое свершение основано не только на том, чтобы сохранялась связь настоящего, будущего и прошлого, но... и на том, чтобы прошлое продолжалось в будущем, чтобы не только не было допущено обеднение нас великими богатствами прошлого, но чтобы мы не были лишены возможности обогащаться и творимым будущим. Поэтому совмещение этих двух начал необходимо для процесса истории» [2: 78].

В наше время, к сожалению, прошлое безжалостно истребляется. Только та общественная идеология, которая сумеет опереться на прошлое, а не противопоставлять его настоящему и будущему, сумеет осмыслить место человека в современном обществе.

Рассматривая проблему времени в контексте социологии культуры, мы не должны забывать о едином в своей направленности *Большом историческом времени*. За временными различиями культуры не должно утрачиваться принципиальное единство человеческого рода, единые универсалии прогресса и единство исторической перспективы.

О процессе развития культуры с точки зрения времени говорит синергетика. Будущее, уже имеющееся в прошлом и настоящем, притягивает перспективу развития. Магнитная сила будущего заключается в ценностях. Изучая прошлое и зная, чем завершились его этапы, можно установить, каковы были аттракторы, обусловившие выбор одного из возможных вариантов дальнейшего развития. Проблема состоит в том, чтобы действовать, сохраняя духовные завоевания прошлого и выдвигая их в основу культурного развития, прогнозируя способы реорганизации духовных систем для перевода их в новое устойчивое состояние.

Проявляя интерес к проблеме *судьбы* личности, социология культуры наиболее тесно соединяется с *культурной антропологией*, рассматривает индивидуальность личности, ее личные взаимоотношения со *Временем*. Специфика подхода заключается в том, что человек берется вместе с его жизненным миром, в контексте форм бытия.

Процесс сближения двух наук — социологии и антропологии — не проходит безболезненно, а имеет ряд «подводных камней», однако в настоящее время все более обнаруживается их движение навстречу друг другу.

Сегодня исследователи начинают работать в области нового направления социальной науки, разрабатываемого на стыке философии, антропологии, социологии, социальной психологии и культурологии, — *социологии жизни*. Для нее характерно особое видение и восприятие мира через призму человеческой жизни. Выражение «не общество для человека, а человек в обществе» становится основой науки, изучающей жизненные процессы людей в их социальном контексте. Социология жизни не претендует на полное изучение человека, но исследует те факты сознания и поведения людей, которые являются социальными, устойчивыми, типичными, повторяющимися образцами и моделями. Данное научное направление изучает жизненный мир людей, взятый в его социальном измерении, т. е. «живое поведение» людей во всем его разнообразии. Социология жизни оперирует показателями отношения людей к реальным общественным проблемам, ситуациям, ко всему, что происходит в социуме.

Однако жизнь личности и ее судьба неоднозначны для исследователя в области социологии культуры. «Жизнь не является внешним процессом простого прибавления случайностей, — писал Х. Ортега-и-Гассет о человеческой жизни, — жизнь — это серия фактов, управляемых законом... Человеческая жизнь — это процесс внутреннего развития, важнейшие события не приходят в него извне, не валятся на субъекта, индивида или народ, — но произрастают из него, как цветок или плод из семени» [10: 9]. *Судьба человека — это жизнь целостная, понятая во взаимосвязи поступков и происшествий, жизнь свершенная. Границы судьбы не совпадают с границами жизни.*

В течение одной жизни человек проживает несколько биографий, несколько линий жизни. Проникнуть в духовный смысл каждого этапа человеческой жизни исследователю очень сложно. Однако ученый не должен отдавать предпочтения какой-либо одной стороне жизни человека и отсекал другие, как ненужные или «портящие картину». В этом случае получается черно-белый образ, весьма далекий от оригинала. Судьба может быть шире или уже жизни, длиннее или короче жизни, т. к. связана с теми началами, которые не вмещаются в жизнь (судьба-легенда, судьба-миф).

Судьба есть у каждого человека, но ее действие особенно заметно в жизни яркой, творческой личности. Ключ к постижению судьбы дает искусство. Оно рассматривает человеческую жизнь как цепь свершений, в которой каждое начало приводит к определенному концу. Эта завершенность очень важна для изучения человеческой судьбы. «Идею судьбы, — отмечал культуролог О. Шпенглер, — можно

сообщить только будучи художником — через портрет, через трагедию, через музыку» [13: 273].

Мотив судьбы является одним из наиболее выразительных мотивов всей человеческой культуры. Он пронизывает культуру от самых ранних ее этапов до настоящего времени. Судьба — это наиболее основополагающая, универсальная и неотвратимая категория культуры. Она является предметом чувственного переживания, эстетического представления, религиозной веры. Тема судьбы получила в контексте различных культур яркое символическое звучание. Эта тема выражена в легендах, мифах, сказках, поэтических произведениях почти всех народов мира. Однако рассматриваемый с точки зрения разных социокультурных позиций образ судьбы с неизбежностью оказывается размытым и неопределенным по содержанию.

Жизнь человека в своей повседневности очень разнообразна. Нередко человек оказывается в зависимости от невидимой силы, под влиянием случайных и даже роковых событий. Иногда события в жизни человека совершаются не по его воле и не по воле случая, а в силу определенной закономерности, в результате чего поступки человека ведут к определенным происшествиям, изменениям в его биографии. Эти происшествия и определяются судьбой.

Обычно о человеке говорят: «такова его судьба». Судьбу нередко называют «беспоощадной», «изменчивой», «слепой», «злой», «враждебной», «безразличной», «насмешливой». Есть «колесо судьбы», «ирония судьбы», но есть и «счастливая судьба», «улыбка судьбы», «милость судьбы», связанная с удачно складывающимися обстоятельствами, а также с силой духа личности, которая преодолевает невзгоды и возвышается над ними.

Определить слово «судьба» трудно. Многие понимают это емкое понятие по-разному, индивидуально и нередко интуитивно. В русском языке (словарь С. И. Ожегова 1984 года издания), слово судьба имеет несколько значений:

- ход жизненных событий, стечение обстоятельств, не зависящих от человека;
- участь;
- история существования чего-либо или кого-либо;
- будущее, то что произойдет, и о чем мы точно не знаем.

В ряде изданий обычно добавляется, что судьба — это воля божества или потусторонней силы, предопределяющая то, что совершается в жизни людей. Латинское слово «*fatum*» соответствует русскому «судьба», но в то же время этим словом в русском языке подчеркивается неизбежность чего-либо, роковой характер событий.

О судьбе со времени возникновения цивилизации сказано и написано очень много. О ней размышляли в древности Платон и Эсхил, в эпоху Возрождения — Макиавелли и Шекспир, в Новое время — Гете и Гегель. О судьбе продолжают размышлять и многие современные ученые — С. С. Аверинцев, В. П. Горан, А. Я. Гуревич, Л. Н. Коган и другие. Ряд мыслителей отмечают, что судьба — это рок, жесткая необходимость, предопределение. «Судьба — это царство случайности ... иррациональность, непроницаемый мрак судьбы превращает судьбу в источник тревоги», — писал П. Тиллих [12: 36]. Другие отмечали, что судьба — это замысел Бога о человеке. Если человеку на роду написано стать кем-то, он обязательно будет им. По мысли великого И. В. Гете, «судьба — это ... таинственная, загадочная сила, которую все ощущают, которую не в состоянии объяснить ни один философ и от которой религиозный человек старается отделаться несколькими утешительными словами» [См.: 14: 564]. К. Маркс рассматривал судьбу как «необходимость», движущую историческими событиями, не подвластными группам людей. Он писал в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, кото-

рые не сами они выбрали...» [9: 119]. Понимаемая таким образом судьба не является универсальным фактом, а выступает как свойство конкретно-исторического типа социальной структуры.

Существенной социокультурной характеристикой судьбы является аксиологическая, или ценностная, составляющая. На ранних стадиях развития цивилизации судьба представляется как слепая, неотвратимая и неумолимая сила, фатум или рок. По мере развития общества восприятие судьбы существенно изменяется. Теперь она выступает в роли участи, доли или суда. С эпохи Возрождения, когда человек начинает продуманно выбирать, сознательно определять ценности, меняется и отношение к судьбе. Она рисуется уже в виде жребия в игре с обстоятельствами или в образе капризной фортуны — женщины, с которой тот, кто хочет сладить, должен действовать натиском, «пинать и колотить ее» (Макиавелли). В XIX веке Гегель, отвергнув абстрактное понимание судьбы как чуждой человеку слепой силы, приходит к идее судьбы как внутренней сущности тех индивидов, которые в состоянии сделать обстоятельства жизни своим собственным бытием. С тех пор многие исследователи судьбы и ее роли в жизни личности считают, что власть судьбы как рока относительна. Судьба — это сам человек, его характер, воля, личность. Человек сам строит свою судьбу. Судьба — это не предопределение, а самоопределение жизни.

Социолог культуры Г. Зиммель писал: «Когда мы говорим о чем-то, как о судьбе, то снимается та случайность, которая стоит между событием и смыслом нашей жизни. Называя это нечто судьбой, мы придаем ему высшее достоинство... Мы называем судьбой эти соприкосновения с тем, что втягивается в замкнутую сферу нашей целостной личности» [См.: 15: 71]. Человек с сильным характером может открыто смотреть судьбе в глаза, бросать ей вызов. Человек может быть на равных с судьбой, бороться с ней, т. к. он обладает предвидением, прозорливостью, здравым смыслом, благоразумием, с помощью которых может определять стратегию собственной жизни. Многое в жизни человека зависит от разума и практического ума. Отношения личности с судьбой не носят характера зависимости и подчинения. Последнее слово в диалоге с судьбой произносит сам человек. Энергичная, сильная натура несмотря ни на что движется вперед, и вскоре сама фортуна начинает ей «поддаваться». Эта так называемая пластичность судьбы может содействовать человеку в его деяниях.

Тем не менее, человек не является всемогущим существом, потому что многое из того, что составляет его жизнь, задано, предначертано, неотвратимо не только фактом его рождения, но и кругом обстоятельств, над которыми он не властен. Это, например, — его характер, способности, пристрастия. Ученые-генетики полагают, что гены — «вещество наследственности» — исходно создают и «соль земли», и «сор земли», т. е. потенциальных гениев и злодеев, вождей и преступников, яркие личности и «серую массу», святых и алкоголиков, праведников и наркоманов, а также все многообразие человеческих судеб, связанных с выдающимися способностями или отсутствием таковых [См.: 1: 13].

Судьбу можно определить и как развертывание сущности человека. С одной стороны, это нечто неизбежное, заданное, с другой — у каждого человека своя сущность и своя судьба. Желать другой судьбы — значит желать и другого себя, а это недостижимо.

Судьба тесно связана с такими сущностными характеристиками человека, как несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость и невыразимость [См.: 4].

Несводимость говорит о том, что человек жестко не связан ни с чем — ни с законами своего биологического вида, ни с законами культурной эволюции, т. к. история культуры — это не только преемственность традиций, но и постоянная их лом-

ка. Человек не рождается ни с определенными умениями, ни с профессией, он не привязан ни к какому-то одному климату, ни к пище, ни к определенному месту. Человек и его жизнь представляют собой открытую, бесконечную потенциальность. Человек формируется здесь, «в мире». И число вариантов осуществления человеческой жизни очень велико, как и велико количество условий, его формирующих. Человек не совпадает ни с одной своей особенностью, ни с деятельностью, ни с творчеством, ни с одной из созданных им вещей. Человек никогда не выражает себя в них полностью, он всегда больше, значительнее любого своего дела и свершения. В нем всегда много незавершенного, непроявленного. Он выше самого себя и постоянно впереди самого себя.

Если человек отождествляет себя со своей социальной ролью, профессией, общественным положением, то это уже не человек в полном смысле слова, а, например, человек-купец, человек-предприниматель. В этом смысле он лишь может сказать о себе, что состоялся как деловой человек и как предприниматель.

Чтобы стать по-настоящему кем-то, постигнуть тонкости своего дела, нужно в любой профессии оставаться самим собой, самобытным и культурным человеком. Но быть просто человеком очень трудно, хотя это и есть важнейшее условие человеческой жизни. Так, по воспоминаниям актрисы А. Вертинской, ее отец Александр Вертинский говорил: «Когда я был молод, я делил людей на талантливых и бездарных. Потом на умных и глупых. И лишь с возрастом понял, что люди изначально бывают культурные и бескультурные, душевно возделанные и дикие...» [8: 429].

Понимать свое глубинное измерение, помнить о нем — путь к гармоничной и целостной личности.

Непредопределенность человека связана с тем, что он никогда не может быть абсолютно свободным. Он постоянно зависит от ряда факторов, таких как наследственность, климат, культура, религия, политика, зарплата, семья и т. д. Пересечение зависимостей создает водоворот случайностей, предугадать и контролировать которые просто невозможно. Однако, осознавая свою глубинную специфичность, человек начинает понимать, что ни один из факторов, обуславливающих его жизнь, не предопределяет ее строго и однозначно. Человек внешне зависит от многих вещей, но, живя самобытно, внутренне не зависит ни от чего.

В науке существует понятие «целостного человека», полного, а не частичного. Целостности трудно добиться, потому что человек всегда «распылен», часть себя он оставляет на работе, часть отдает дому, часть — общению с друзьями, часть — хобби. В каждой своей части человек всегда ограничен и односторонен. Целостный человек всегда полностью присутствует во всем и везде — и в работе, и в семье, и в хобби. Только ему, а не частичному человеку, открывается вся красота мира, любовь и тайны собственной судьбы.

В древнеиндийском эпосе «Бхагавад-Гита» говорится: «Кто не собран — не может правильно мыслить, у него нет творческой силы. У кого нет творческой силы — нет мира, а если нет мира, откуда быть счастьем?» [3].

Только когда человек избежал внутреннего слияния со своей общественной ролью, профессией или факторами, от которых он зависит, тогда он ничем не предопределен и по-настоящему свободен.

Незаменимость человека выражается в том, что он должен найти свое собственное дело, ради которого пришел в мир. Вся проблема в том, чтобы найти такое дело. Предназначение каждого человека заключается в том, чтобы оставить свой след на земле, занять свое место во Вселенной.

Таким образом, незаменимость — это фундаментальное качество человеческого существования, на котором и благодаря которому держится человеческий мир.

Уникальной характеристикой человека является и *неповторимость*. неповторимость лучше всего видна на примере харизматических личностей, великих людей. Но и любая жизнь, даже внешне незаметная, делает человека неповторимым, если он живет самобытно, в соответствии с предписаниями природы, никому не подражая и никого не копируя.

Невыразимость человека состоит в том, что самое глубокое и самое главное всегда остается неуловимым и невыразимым в человеке. Существует множество тестов, определяющих характер и склонности человека. Но и по ним мало что можно о нем узнать. Человека можно описать только косвенно, прежде всего через его творчество. Мы очень много знаем о человеке, благодаря науке, философии, искусству, но он все равно — непостижимая тайна для нас. «Всегда останется нечто, — писал Ф. Достоевский, — что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки, с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого-то главного из вашей идеи» [5: 328].

Основным содержанием человеческой культуры всегда было познание человеком самого себя, разгадывание вечной загадки человечества. Однако, когда человек, может быть, разгадает эту загадку, история человечества закончится, потому что не будет смысла продолжать ее дальше.

Судьба часто безжалостна к человеку, но она связана и со способностью человека действовать вопреки обстоятельствам, сопротивляться. О судьбе можно говорить, что она побеждает человека и не может его победить. Порой судьба испытывает человека, порой он испытывает судьбу. Человек не во власти судьбы, но и судьба не во власти человека. Судьба — это дар человеку, но высший из даров. «Судьба играет с человеком, потому что он сам игрок, между ними происходит игра на повышение ставок, включая высшую ставку — жизнь» [15: 77].

Методы анализа качественных данных помогают исследователю поставить себя в новую позицию. Если ранее исследователь был активен, а предмет его исследования пассивен и молчалив, то теперь возникают новые исследовательские жанры, в рамках которых «предмет» не является немым. Диалог ученого и предмета его изучения сегодня явно присутствует в социологической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акифьев А. П. Генетика и судьбы. М., 2001.
2. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1991.
3. Бхакавад-Гита как она есть. М., 1984.
4. Губин Е., Некрасова Е. Философская антропология. М., 2000.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8. Л., 1972.
6. Культурология в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 2001.
7. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 2001.
8. Макаров А. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени. М.; Смоленск, 1998.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М., 1957.
10. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1992.
11. Оруджаев З. М. Философия прошлого // Философские науки. 2002. № 1.
12. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
13. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
14. Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М., 1981.
15. Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9.